

ИСТОКИ СОВРЕМЕННОГО ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

Валерий Петрович Созонов,

доцент кафедры воспитания и дополнительного образования Института повышения квалификации и переподготовки работников образования Удмуртской Республики, кандидат педагогических наук

Автора статьи, которую мы вам предлагаем, вряд ли нужно представлять читателям журнала. В.П. Созонов разрабатывает тему воспитания школьников около двадцати лет¹. Сегодня автор размышляет о духовно-нравственном воспитании, чему посвящён введённый в школах России учебный курс «Основы религиозных культур и светской этики»². Во многих регионах (в Приморском крае, Брянской, Волгоградской, Кемеровской и других областях) школьники и их родители избрали спецкурс «Основы православной культуры».

В предлагаемой статье автор размышляет о способах духовно-нравственного воспитания и берёт в союзники известного советского педагога Василия Александровича Сухомлинского — Героя Социалистического труда, члена-корреспондента Академии педагогических наук СССР, лауреата государственной премии Украинской ССР.

● *духовно-нравственное воспитание* ● *православные ценности* ● *природосообразная школа* ● *гуманизм педагогики*

¹ См. статьи Созонова В.П.: Как измерить результаты воспитательной работы // Народное образование. 2001. № 9; Классный час для ученика или классного руководителя? // НО. 2007. № 1; Разговор на скучную тему // НО. 2010. № 4.

² Леонтьева Е.В. Введение комплексного учебного курса «Основы религиозных культур и светской этики в школах России» // Народное образование. 2010. № 6.

В стандарты нового поколения введено понятие «духовно-нравственное воспитание», которое, очевидно, должно чем-то отличаться от прежнего. Чем же? Этот вопрос занимает меня несколько последних лет.

Никогда не думал, что я, атеист-безбожник, с интересом и не без волнения буду читать учебник «Православная педагогика», автор которого игумен отец Георгий (Шестун)³. «Хаос и неразбериха современной жизни, развал семей, общественных институтов, дискредитированные высокие идеи — всё это следствие утраты ответственности. Нынешнее поколение растёт и с пелёнок воспитывается в бесстержневой, безрамочной атмосфере. Структурность жизни, её иерархичность, обычаи, — внешние рамки, в которых возможно произрастать росткам ответственности, в современном обществе безжалостно ликвидированы».

Полагаю, что обращение к опыту православной педагогики в этих условиях в высшей степени актуально. Пора признать, что духовно-нравственное воспитание на основе православных традиций формировало стойкое нравственное ядро личности, благотворно влияло на взаимоотношения человека с миром: на его нравственно-этическое развитие, мировоззрение, формирование гражданской позиции, патриотическую и семейную ориентацию, интеллектуальный потенциал, эмоциональное состояние и психическое развитие. В концепции новых государственных стандартов к понятию «нравственное воспитание» добавилось понятие «духовное». Очевидно, что в практику отечественной школы учителя должны привнести нечто новое, существенное, чего не было прежде в воспитании. Допускаю, что современные педагоги, воспитанные в идеологии атеистического миропонимания, не очень чётко осознают, что стоит за новым понятием. Есть опасность, что в силу нашей замечательной привычки играть словами, не особенно утруждая себя задачей раз-

³ Статья доктора педагогических наук о. Георгия (Шестуна) публикуется в этом выпуске журнала.

бираться в их значениях и смыслах, учителя будут заниматься тем же самым, чем и раньше, и так же плохо, так же безрезультатно. При этом утверждать, что полностью «модернизировались». Вспомнил, как охотно мы заменили в своей лексике понятия «методика» на «технологии»; «индивидуальный подход» на «личностно-ориентированный», «знаниевый» на «компетентностный». Изругав «зуновский» подход в дидактике, все учителя бросились осуществлять так называемые развивающие технологии. Расшатав классическую четырёхэтапную структуру урока, на практике получили «жесть» (школьный сленг). Эксперты республиканского Института повышения квалификации на аттестации педагогов обнаружили следующее: напуганные ЕГЭ учителя свели всю методику урока к трём компонентам: якобы самостоятельной работе учеников с текстом (чаще всего — с учебником), к тестированию, оценке и угрозам ЕГЭ. На уроках **исчезла сама сущность образования как интеллектуальное и человеческое (не рискуя употребить слово «нравственное», тем более «духовное») общение педагога с учеником, страждущим знания и духовного опыта наставника.** Урок ещё более превратился в муштру и натаскивание в самом худшем виде. Не может ли получиться нечто подобное с переименованием нравственного воспитания, к которому в школе привыкли, в неизвестное и таинственное духовно-нравственное?

Что же такое духовность и духовное воспитание?

В советской энциклопедии этого слова нет. У Владимира Даля это и душа человека, ум, воля, доблесть, самостоятельность... В словаре С.И. Ожегова это понятие трактуется, как свойство души, преобладание духовных, нравственных и интеллектуальных интересов над материальными. Таким образом, в самом общем виде духовность — это отрешённость от низменных, грубо чувственных интересов, стремление к нравственному

самосовершенствованию. Но применительно к ребёнку, к школьнику ни о каких «низменных, грубо чувственных интересах» не может идти речь. Это о взрослых говорят: «У него материя над духом преобладает»...

Духовность в православной традиции — это Богоподобие, степень близости человека к Богу, состояние близости души к миру Вышнему, не материальному. Моё рациональное сознание не захотело мириться с определённой неясностью в вопросе, и вот как я себе объяснил смысл Святого Духа и его места в жизни каждого человека.

Бог-отец создал мир — сотворил Небо, Землю и человека «по образу и подобию своему». Бог-сын Иисус эту Землю посетил и принёс людям Слово Божие (святое учение о праведной жизни), но не был понят и распят на кресте. Он смиренно принял эту смерть, простил заблудших, взял на себя их грехи, совершив тем самым духовный подвиг и преподав людям вечный пример великодушия, прощения и любви. Бог вложил в каждого земного человека частицу Божественного образа. Но грехом прародителей образ этот существует в человеке не как завершённая данность, а как возможность богоподобия. Из этого факта следует, что человеку необходимо собственным разумом и чувством постичь истинный смысл Святого учения и подвига Христа, чтобы затем с верой всю жизнь следовать его примеру, совершенствовать себя, отрекаясь от низких страстей во имя служения Богу и людям. Таким образом, эта возможность, предуготованность высокой духовной жизни даёт основания полагать, что человек не сотворён рабом, безвольной тварью, он промыслен активным субъектом собственной жизни, хозяином своей судьбы. В нём соединились как бы две воли: божественная и своя собственная.

Какой же вывод следует из этой притчи, какое напутствие учителю? Очевидно, человеком нравственным становятся не сразу. Младенец — абсолютный эгоцентрист. Это естественно и нормально. Радость дарения, отказа от себя, жертвенности он обретает позднее. И это не происходит стихийно, нужно участие родителей, старших, педагогов. Собственно, в этом и заключается **нравственно-духовный «момент истины» — ребёнок, взрослея, делает открытие: оказывается, отдавать гораздо**

приятнее, радостнее, чем брать. Вот так и соединяются «две воли»: воля наставника и чувство воспитанника.

Но этого открытия может и не случиться...

Человек создан свободным существом, способным делать **выбор**. Согласно православной традиции, выбор божьего человека невелик: или двигаться навстречу Богу — выбирать добро, или деградировать, служить злу. И может быть позиция такого выбора в жизни человека более правильна и гуманна, чем обрушивать на него бремя многочисленных, неясных и рискованных выборов, что и случилось в процессе нашей перестройки, развала СССР и новой социальной революции. Люди потеряли себя. Свобода, по Достоевскому, для человеческого духа — **бремя тяжкое и не всем посильное...**

Став свободными, прародители человека, нарушили запреты и заповеди Создателя, обрекли человечество на то, чтобы всю жизнь поодвергаться искушению и всю жизнь искупать прегрешения. Создатель предстаёт перед человеком и как высший идеал, и наставник, и высший судья. Но и **как поводырь и духовный помощник в спасении его души**. Смысл и необходимость нравственности — в ответственности за свои деяния, неотвратимость Божьего Суда над нашим «земным» поведением. При отсутствии жизни без Бога — «всё дозволено!» И тогда нравственное поведение человека теряет всякий смысл...⁴

Духовное воспитание — это вечный поиск истины, возвышение духа над плотью, высокого над низким, небесного над земным. Духовное взаимодействие священника с верующим — это работа с душой, внутренним миром человека, где обитает высокое: совесть, честь,

⁴ См.: Ф.М. Достоевский. «Братья Карамазовы».

стыд, сострадание, достоинство, трудовое и нравственное усилие, готовность стойко переносить испытания. Это подлинные, истинно человеческие светские, но в то же время богоугодные ценности бытия. Эти качества православного человека и позволили нашему народу победить в многочисленных войнах, в трудовых испытаниях, одержать великую мистическую Победу в 1945-м.

Противными Богу являются эгоизм, жестокость, бездушие, бесчувственность, лень души и тела, что сегодня, к сожалению, во множестве поселились в нашем обществе. Это свидетельства бездуховности, победы в человеке порока и греха. У педагогов сегодня труднейшая задача — прививать воспитанникам стойкий иммунитет к этому обобществленному злу, воспитывать неприятие всего злого, преступного, стяжательского. Думаю, что в этом весьма полезно поучиться у слушателей Русской православной церкви и других конфессий. Воспитательный процесс, в частности, православные священники осуществляют не только проповедью, вербальными способами, он подкрепляется духовным **опытом** участия в делах — в пожертвованиях храму, в постах, в подаваниях бедным, в уходе за инвалидами, убогими, — то есть благими поступками, практикой. В этом смысле **религия, выражаясь языком школы, представляет собой совершенную воспитательную систему — таинствами, горячей верой, молитвой (общением с Богом), восприятием священной Благодати...**

Признаемся, что так глубоко, тонко, сердечно мы с ребёнком общаться пока не умеем. **Духовное-нравственное воспитание — это качественно и кардинально другой уровень педагогической работы с детьми в сравнении с той, чем мы занимались.** Это не набор шаблонных мероприятий, когда воспитанники зачастую не понимают, зачем всё это, для чего они здесь присутствуют. **Это филигранная работа с внутренним миром ребёнка, которого мы до сих пор в полной мере не знаем (мы — это и ро-**

дители, и педагоги). Это работа с чувствами, с душой, с тончайшими сердечными побуждениями ребёнка, с его фантазией, воображением, художественными образами, которые рождаются в ребёнке раньше умения мыслить, а тем более — руководить поступками. Образы рождаются из снов, сказок, созерцания природы, чтения, рисования, детского рукоделия, яркого художественного слова педагога.

Размышляя обо всём этом, я вдруг испытал некий инсайт — озарение: ведь есть, есть и в нашей светской отечественной педагогике яркий опыт духовно-нравственного воспитания. Опыт многолетний, действенный, с которым знакомились в своё время тысячи учителей страны. Я не называю пока имя носителя этого опыта, школа которого десятилетия была педагогической Меккой. Послушайте, с чего начиналось в этой школе образование ребёнка.

Школа под голубым небом

Первый день занятий.

«Пойдём, дети, в школу, — сказал я малышам и направился в сад. Дети с недоумением смотрели на меня. — Да, ребята, мы идём в школу. Наша школа будет под голубым небом, на зелёной травке, под ветвистой грушей, на винограднике, на зелёном лугу. Снимем вот здесь ботиночки и пойдём босиком, как вы привыкли ходить раньше». Дети радостно защебетали; им непривычно, даже неудобно ходить в жаркую погоду в ботинках. «А завтра приходите босиком, в нашей школе это будет лучше всего». Мы пошли в виноградную аллею. В тихом, скрытом деревьями уголке разрослись виноградные лозы. Расстелившись на металлическом каркасе, они образовали зелёный шалаш. Внутри шалаша земля покрыта нежной травой. Здесь царил тишина, отсюда, из зелёного сумрака, весь мир казался зелёным. Мы расселись на траве. «Вот здесь и начинается наша школа. Будем смотреть отсюда на голубое небо, сад, село, солнце». Дети притихли,

очарованные красотой природы. Между листвой висели янтарные гроздья созревшего винограда. Детям хотелось попробовать вкусных ягод. Будет и это, но сначала надо полюбоваться красотой. Дети смотрят вокруг. Кажется, что сад окутан зелёным туманом, как в сказочном подводном царстве. Поверхность земли — поля, луга, дороги — как бы дрожит в малахитовом тумане, на освещённые деревья сыплются солнечные лучи. «Солнышко рассыпает искорки», — тихо сказала Катя».

Этот образ тут же подхватывает учитель и начинает рассказывать сказку про Кузнецов-великанов, которые на золотой навальне каждый день выковывают Солнышку серебряный венок. (Здесь и далее выделено мною. — В.С.). Учитель рассказывает сказку и одновременно рисует сказочные образы кузнецов на белом листе альбома. Дети слушают, очарованные. А потом задают вопросы: — А что делают кузнецы ночью? — Зачем Солнышку каждый раз новый венок? И ещё десятки вопросов...»

На них педагог ответит ребятам завтра. Опытный учитель, конечно же, понял, сколько педагогических целей учитель достиг на этом занятии: разбудил фантазию детей, посеял вопросы — знаки разбуженной любознательности, убедил детей, что природа — бесконечный источник для воображения, творчества, для познания и огромной радости, эстетического наслаждения. Он видит: детям не хочется уходить. И знает, что ученики будут с нетерпением ждать следующего похода в школу. Но учителю и этого мало: он угощает каждого ученика гроздьями винограда и даёт **задание**: одну гроздь съесть, а вторую отнести маме... Назавтра он приглашает детей прийти в школу вечером. Они будут наблюдать за Солнышком во время заката.

На следующий день ребята восхищались заходом солнца, делились с учителем образами и сами сочиняли сказки. «Здесь, среди природы, особенно отчётливой, яркой была мысль: мы, учителя, имеем дело с самым нежным, самым тонким, самым чутким, что есть в природе, — с мозгом ребёнка. **Когда думаешь о детском мозге, представляешь нежный цветок розы, на котором дрожит капелька росы. Какая осторожность и нежность нуж-**

ны для того, чтобы, сорвав цветок, не уронить каплю. Вот такая же осторожность нужна и нам каждую минуту, ведь мы прикасаемся к тончайшему и нежнейшему в природе — к мыслящей материи растущего организма».

Учителя старшего поколения, а может, и кто-то из молодых, конечно же узнали: это Василий Александрович Сухомлинский, ставший классиком советской педагогики, и его прекрасная книга «Сердце отдаю детям».

«Невозможно без глубокой сердечной боли смотреть на то, как уродуется естественная жизнь ребёнка не только во время уроков, но и в группах продлённого дня. Есть, к сожалению, такие школы, где после 5–6 уроков дети остаются в школе ещё на 4–5 часов, и вместо того, чтобы играть, отдыхать, жить среди природы, снова садятся за книгу. Пребывание ребят в школе превращается в бесконечный, утомительный урок. Так не должно продолжаться! Группы и школы продлённого дня по своей идее — очень ценная форма воспитания... Но беда в том, что прекрасная идея нередко извращается: пребывание в группе продлённого дня зачастую превращается в тот же урок, в то же сидение за партой от звонка до звонка, изнуряющее силы ребёнка».

Это тоже Сухомлинский, о чём он пишет с такой тревогой. «Почему же так получается? **Потому что вывести детей на лужайку, побывать с ними в лесу, в парке — дело более сложное, чем провести уроки**».

Мне кажется, что сегодня настало время «второго пришествия» В.А. Сухомлинского в нашу профессиональную жизнь, в нашу педагогику в канун 95-летия со дня его рождения. Эту мысль подтверждает и политика в области образования. Новый образовательный стандарт ввёл в содержание российского образования «духовно-нравственный компонент».

Что же в связи с этим должно измениться в школьном образовании, а главное — в воспитании школьников? Ведь слова «дух», «духовность» — понятия религиозные. Следовательно «духовно-нравственное воспитание», очевидно, существенно другое занятие, чем то, которое мы привычно называли нравственным воспитанием. В трудах В.А. Сухомлинского слово «духовность» встречается гораздо чаще, чем у всех отечественных учёных и практиков, вместе взятых. **И ещё он одним из первых во весь голос стал говорить о гуманизме в педагогике без приставки «пролетарский»⁵.**

Новым стандартом в образовательный план школы введено десять часов в неделю оплачиваемой государством «внеурочной деятельности». Новация замечательная и крайне необходимая: исчезли страхи населения, что всё дополнительное образование детей в стране станет платным. Но в настоящее время в школах нет достаточно чётких рекомендаций по организации внеурочной деятельности, кроме некоторых сугубо теоретических соображений. К тому же дополнительных средств на это не выделено, поэтому «внеурочная деятельность» осуществляется, в основном, за счёт групп продлённого дня. Но если пребывание в группе прежде было делом добровольным и сводилось к выполнению домашних заданий, то это удлинение школьного дня было понятным и детям, и родителям. А сегодня они недоумевают: почему школьный день увеличился ещё на два-три обязательных урока, что запрещено САНПИНами. Это воспринимается отрицательно, потому что нарушается основополагающий принцип нововведения: занятия вне урока должны проводиться в совершенно других организационных и методических формах, чем традиционные уроки. Самое время вспомнить провидческое наследие В.А. Сухомлинского, которое, как всё гениальное, просто и на все времена. Сегодня оно просится на урок к учителю, который должен вести «внеурочную деятельность». Но не в классе, а за его пределами: в лесу, на природе, в му-

⁵ Как поплатился В.А. Сухомлинский за эту свою позицию, см. подробно: *Целищева Н.И.* Несколько страниц из жизни журнала // Народное образование. 2000. № 10.

зее. Там, где для ученика, по мысли В.А. Сухомлинского, «открывается чудесный мир в живых красках, звуках, в сказке, игре, творчестве, красоте, стремлении делать добро людям». В душном классе такой мир уставшему, несчастному ребёнку не откроется никогда.

Жизнь Павлышской школы, которую возглавлял В.А. Сухомлинский, развивалась из идеи, воодушевляющей учителя: ребёнок по своей природе — пытливый исследователь, открыватель мира. Так пусть перед ним открывается чудесный мир в живых красках и трепетных звуках, мир, воодушевляющий его сердце. В сказке, фантазии, игре, в неповторимом детском творчестве — во всём этом верная дорога к сердцу ребёнка. **И верная дорога к самостоятельной мысли, ибо наглядные образы для детей — основной и самый надёжный источник мысли.** Необходимо так вводить малышей в окружающий мир, чтобы они каждый день открывали в нём что-то новое, чтобы каждый наш шаг был путешествием к истокам мышления и речи — к чудесной красоте природы⁶...

...Сухомлинский не представляет обучения в школе не только без слушания сказок, но и без их создания. Этому посвящены были специальные уроки — «Сказки» (казки — по-украински). Уже в два месяца жизни «Школы радости» каждый ребёнок был автором сказок. В них — мир детских мыслей, чувств, желаний, взглядов.

«...Каждый день приносил новое открытие в окружающем мире. Каждое открытие облекалось в сказку, творцами которой были дети. Сказочные образы помогали малышам чувствовать красоту родной земли. **Красота родного края, открывающаяся благодаря сказке, фантазии, творчеству, — это ис-**

⁶ На основе опыта своего великого соотечественника современные украинские учёные В.Р. Ильченко и К.Ж. Гуз разработали эффективную природосообразную технологию интеллектуального и духовно-нравственного воспитания детей. *Логика природы.* М.: Народное образование. 2004 г. (прим. ред.).

точник любви к Родине. Понимание и чувствование величия, могущества Родины приходит к человеку постепенно и имеет своими истоками красоту.

Пусть ребёнок чувствует красоту и восторгается ею, пусть в его сердце и в памяти навсегда сохранятся образы, в которых воплощается Родина. Красота — это кровь и плоть человечности, добрых чувств, сердечных отношений. Я радовался, замечая, как постепенно оттаивают зачерствевшие сердца Толи, Славы, Коли, Вити, Сашки, у которых во время войны погибли родители. В атмосфере творчества, гуманизма шла насыщенная главная жизнь ребёнка».

«...Жизнь «Школы радости» не была стеснена строгим регламентом. Не было установлено, сколько времени должны находиться дети под голубым небом. Самое главное, — чтобы ребятам не надоело. Я старался окончить работу нашей школы в тот момент, когда у детей обострялся интерес к предмету наблюдения, к труду, которым они заняты. Пусть малыши с нетерпением ожидают завтрашнего дня...».

«...Я много рассказывал моим слушателям о далёких тропических странах,.. о мире, где человек поработает человека. Яркие картины страданий,.. особенно детей, пробуждают в сознании моих слушателей тревожную мысль о том, что в мире происходит жестокая борьба добра и зла... **Рассказы воспитателя, разделяющего с детьми все радости и горести, — обязательное условие полноценного эмоционального и умственного развития ребёнка, его богатой духовно-нравственной жизни.** Рассказы должны быть яркими... нельзя нагромождать множество фактов, давать детям массу впечатлений — чуткость к рассказам притупляется, и ребёнка уже ничем не заинтересуешь. **Я советую воспитателям: воздействуйте на чувства, воображение, фантазию детей, открывайте окошко в безграничный мир постепенно, не распахивайте его сразу во всю ширь...»**

Учитель сельской школы Василий Александрович Сухомлинский распахнул двери классных комнат. Уроки письма, чтения и арифметики стали всё чаще проводиться под голубым небом. Это не отказ от урока, не уход от книги, и науки, наоборот, это обогащало урок, оживляло книгу и науку.

Василий Александрович считал, что прежде чем научиться глубоко проникать в сущность причинно-следственных связей, явлений окружающего мира, ребёнок должен пройти период мыслительных упражнений, представляющих собой особое видение предметов и явлений: ребёнок воспринимает живой образ, потом создаёт этот образ в своём представлении, включает воображение, которое делает реальность ещё более яркой, сказочной. **Создание фантастических образов — благородная почва, на которой развиваются буйные ростки мысли.** В период зарождения детского мышления мыслительные процессы тесно связаны с живыми, яркими, наглядными предметами окружающего мира. И вот уже рождаются стихи-ассоциации:

Ночью упали росинки
На серебряные паутинки...

Сухомлинский делится с учителями: «Хочу ещё раз сказать: подлинная мысль всегда проникнута трепетным чувством. **Идите в поле, в парк, пейте из источника мысли, и эта живая вода сделает ваших питомцев мудрыми исследователями, пытливыми, любознательными людьми — мыслителями и поэтами.** Я тысячу раз убеждался: без поэтической, эмоционально-эстетической струи невозможно полноценное развитие ребёнка».

В педагогике Сухомлинского большое значение играло слово «наш». Огромный мир ребёнок осваивает постепенно, «по частям»: «моя парта», «наш уголок», «наш класс», «моя школа». Мы знаем, как любят дети шалашики, укромные уголки, где они чувствуют себя в безопасности, — они «мой». Отсюда сущностные педагогические выводы. Первый — этому процессу надо уделять специальное внимание, давать ребёнку возможность побыть одному. И второй — «нашим» этот мир станет только тогда, когда в него вложен «мой» труд. Дети у Сухомлинского оформляли «зелёный класс», подсаживали побеги

винограда, сажали цветы, оборудовали «уголок мечты», посещали пещеру; овраг в котором проходили занятия, строили там печку, чтобы потом насладиться теплом, созданным своими руками.

В Павлышской школе было правило: в осенние, весенние и летние дни дети как можно больше должны находиться на воздухе. В первые три-четыре недели ребята проходили ежедневно два-три километра, во второй месяц — четыре-пять, в третий — шесть. И всё это среди полей и лугов, в рощах и в лесу. Дети приходили домой усталые, но счастливые, жизнерадостные. Здоровье вливалось в них животворным источником, по словам родителей, у них появлялся «волчий аппетит». Собираясь с малышами в лес, учитель советовал им брать с собой хлеб, лук, соль, воду и несколько сырых картофелин — пекли их в лесу. Родители вначале сомневались: разве дети будут это есть? Но оказалось, что и хлеб, и лук, и картофель в лесу — самая вкусная пища!.. Сухомлинский не проводил уроков в разговорах о необходимости вести здоровый образ жизни. Он на практике учил этому детей.

На вопрос о том, что такое духовно-нравственное воспитание в его светском понимании, на мой взгляд, чётко ответил В.А. Сухомлинский. О своей главной книге он говорил: **«...Этот труд посвящён сердцу педагога. Я стремился рассказать о том, как ввести маленького человека в мир познания действительности, помочь ему учиться, облегчить его умственный труд, как пробудить и утвердить в его душе благородные чувства и переживания, воспитать человеческое достоинство, веру в доброе начало в человеке, безграничную любовь к родной советской земле... Детский мир — это мир особенный. Дети живут своими представлениями о добре и зле, чести и бесчестии, человеческом достоинстве; у них свои критерии красоты, у них даже своё видение мира».**

Сухомлинский называет здесь все главные ценности, на которых основывается истинная духовность: вера, любовь, труд, достоинство,

красота, благородные чувства. И, разумеется, сердце педагога.

В.А. Сухомлинский считал учение частицей духовной жизни со всеми её радостями и трудностями. **«Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы всё давалось учащимся легко, чтобы ребёнок не знал, что такое труд и трудности.** Наряду с процессом овладения знаниями воспитываются культура умственного труда и самодисциплина».

Вести школьника в сложный мир человеческих отношений Сухомлинский считал одной из важнейших задач воспитания. «Если ребёнку безразлично, что происходит в сердце его товарища, друга, матери, отца, любого соотечественника, с которым он встретился, если ребёнок не умеет видеть в глазах другого человека, что у него на сердце, — он никогда не станет настоящим человеком». **Учить чувствовать — самое трудное, что есть в воспитании.** Школа сердечности, чуткости, отзывчивости, участливости — это дружба со сверстниками, товарищество, братство. Ребёнок чувствует переживания другого человека тогда, когда он делает что-нибудь для него. Любовь маленького человека к матери, отцу, бабушке, дедушке, не одухотворённая творением добра, превращается в эгоистическое чувство: ребёнок любит маму постольку, поскольку она является источником его радостей, нужна ему для удовлетворения его потребностей. Нравственный облик личности зависит в конечном счёте от того, из каких источников черпал человек свои радости в годы детства. Если это были потребительские радости, он вырастет эгоистом, будет равнодушным к людям. Наша задача — воспитать человека способного к высшей радости, вызванной заботой о другом человеке. Как близко это к заповеди «возлюби ближнего»...

Василий Александрович Сухомлинский не дожил до того времени, когда Русская православная церковь и её духовно-нравственное учение перестали быть гонимыми в России. Сегодня во время великих религиозных праздников мы видим в храме

Христа Спасителя первых лиц государства, в школы, как уже сказано, введён курс основ Православной этики⁷. Но всё педагогическое наследие Сухомлинского так или иначе соотносится с православной педагогикой. Её-то и предстоит нам осмысливать, если мы хотим воспитать духовно-нравственную личность.

Православная педагогика крайне отрицательно относится к весьма распространённым сегодня установкам: «жизнь есть высшая ценность», «смысл жизни — самореализация», «цель воспитания — успешность, карьера, вхождение в глобальный мир». Если жизнь есть высшая ценность, то оправданы предатели и предательство. Если признаки воспитанного человека — «культурное» потребительство, это карьера, успех любой ценой, то стоит ли удивляться безмерному, безрассудному стяжательству, жестокости, коррупции, которые прочно поселились в нашем обществе? Если глобальный мир — наше «светлое будущее», то где здесь место патриотизму? А безудержное стремление к самоутверждению — не что иное, как гордыня, стремление греховное, безнравственное. Почему мы — «освободители мира от фашистской чумы» живём хуже, чем побеждённые? Не потому ли, что гордыня мешает нам понять простые истины: мы «самоутверждаемся» в плохой работе, в нечестном житье, в алчности.

Православные и современные, гуманистические ценности воспитания проникли сегодня в официальные документы, в государственные образовательные стандарты, в новый федеральный образовательный стандарт. Он ставит перед педагогами такую, в частности, цель: помочь школьникам в обретении через духовный опыт человечества своего образа, т.е. подлинных, а значит, духовных целей и смыслов жизни, ради которых можно и должно жить. В этой цели — прямой диалог с православной педагогикой. Образование, как известно, происходит от слова «образ». Бог творил человека по образу и подобию своему. Образование и есть обретение своего, Богом (или природой) заданного образа.

Современная жизнь, состояние общества ставят и такую цель, выраженную в стандарте нового

⁷ А теперь не только в 21 экспериментальном регионе, но и во всех школах (приказ Министра образования и науки № 74 от 01.02.2012 г.) (прим. ред.).

поколения: «вооружение учащихся универсальными учебными действиями..., умением самостоятельно решать в этом мире собственные жизненные задачи». А это не что иное, как обретение практического и духовного опыта сознательного действия, побуждающего человека к постоянному совершенствованию, самовоспитанию в процессе сотворения добрых дел.

Я глубоко убеждён: любой учитель, приступивший сегодня к великой миссии духовно-нравственного воспитания, должен работать тоньше, умнее, профессиональнее. Глубоко изучать природу ребёнка, постигая этот пока ещё для нас «потусторонний» — внутренний мир нашего воспитанника. Нам предстоит осмыслить всю глубину понятия «духовно-нравственное воспитание», подвергнуть строгой ревизии свой собственный духовно-нравственный потенциал, освоить соответствующие новой задаче педагогический инструментарий и лексику, чтобы корректно, убедительно пользоваться великим помощником воспитателя — словом. «Как без скрипки нет музыки, без краски и кисти — живописи, без мрамора и резца — скульптуры, так без живого, трепетного, волнующего слова нет школы и педагогики», — утверждал В.А. Сухомлинский.

Истоки духовно-нравственного воспитания в современной школе — в конструктивном диалоге православной педагогики и православной этики с отечественной научной, природосообразной педагогикой, обогащённой идеями её классиков — К.Д. Ушинского, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского, а также современных учёных-психологов и учителей-практиков.

С таким профессиональным снаряжением нам по силам создать педагогические условия для развития сущностных сил, заложенных в каждом ребёнке природой и её Создателем. **НО**